

Отзыв официального оппонента
о диссертации Устинова Алексея Валерьевича
«Роман Д. Л. Мордовцева «Великий раскол»
в контексте русского исторического романа XIX века»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Работа А.В. Устинова посвящена жанру, который пользовался огромной популярностью во второй половине XIX века и не утратил популярности и ныне. Уже одного этого было бы достаточно для демонстрации *актуальности* исследования. Но сразу замечу, что одним только выбором материала эта актуальность не ограничивается. А.В. Устинов в работе демонстрирует очень важную особенность такого обширного материала, как исторический роман. Эти объемные и многочисленные тексты можно структурировать, а в эпоху возрастающего объема информации важна разработка методик, позволяющих гуманитариям с большими объемами информации работать.

В исследовании А.В. Устинов избирает (и это легко объяснить) метод постепенного приближения – от общей системы русской исторической прозы к творческой биографии Д.Л. Мордовцева и далее собственно к роману «Великий раскол». Может даже показаться, что самому роману уделено не так много места, как хотелось бы. Вместе с тем автор исследования убедительно показывает, что роман «Великий раскол» ценен не только и не столько уникальными находками автора. Творчество Мордовцева (и конкретно эта книга) становится основой для осмысления закономерностей репрезентации истории в литературе.

Кажется убедительной предложенная в первой главе периодизация русского исторического романа на основе типов героев: первоначально «обычных», позднее «исторических». Тексты Д.Л. Мордовцева принадлежат ко второму типу повествований, и уже первые романы

писателя строятся на основе определенных принципов изображения исторических персонажей.

А. В. Устинов пишет: «Исследование особенностей художественного мира Мордовцева позволило сделать вывод о следующих характерных чертах, раскрывающих творческие установки и мышление исторического писателя: именование, разнообразие персонажей, игровая стилизация, художественная деталь, анимализмы, образы мировой культуры, перспективная историчность» (С. 16). Несомненно, в результате анализа ранних текстов Мордовцева исследователь получает *достоверные результаты*, дающие возможность реконструировать общую картину развития исторического романа. Перед нами своего рода «проект иллюстрации», причем иллюстрация должна охватить всю историю, представить представителей всех сословий, а в идеале – и всех эпох. История может разворачиваться как цепь случайностей (как у Е.А. Салиаса) или как система повторяющихся событий (как у Мордовцева), но установка на иллюстративность сохраняется во всех случаях. Именно иллюстративные функции исторического романа А.В. Устинов раскрывает, когда обращается к анализу образов Аввакума и Никона и к использованию в тексте «Великого раскола» фрагментов «Жития протопопа Аввакума». Отдельные наблюдения складываются в единую картину, и в дальнейшем мне хотелось бы определить степень релевантности этих построений.

Они основаны на введении нового материала – его объем производит несомненное впечатление. Автор диссертации в результате интенсивной архивной работы сумел прояснить некоторые аспекты творческой биографии Мордовцева: в переписке с Сувориным раскрываются интересные подробности параллельной работы над романами «Царь и гетман», «Великий раскол» и «Лжедмитрий», в письмах Юрьеву речь идет об отношении Мордовцева к редакционной политике «Русской мысли». Попутно в диссертации сообщаются интереснейшие подробности о

поэтических опытах и исторических исследованиях писателя. Но, конечно, *новизна* исследования не ограничивается материалом.

А.В. Устинов, анализируя тип «страдающего идеалиста» в романах Мордовцева, рассматривает «Великий раскол» в контексте эпохи, когда подобный тип стал одним из ключевых. Первоначально писатель, чутко откликавшийся на «запросы дня», обращался к этому герою в исторических очерках и «бытописательных» романах, позднее образ воспроизводился, варьируясь и усложняясь, в романах исторических. Те творческие принципы, которые воплотились в «Великом расколе», не были уникальными, но их сочетание в определенный момент литературного развития стало определяющим.

А.В. Устинов (вслед за автором этих строк) противопоставляет беллетристику Мордовцева, Е.П. Карновича, Г.П. Данилевского романам Е.А. Салиаса и Вс. С. Соловьева – моралистические установки первых ему ближе, чем представление об истории как цепочке случайностей. И поэтому результаты диссертации поверяются не только документами, но и скрупулезным анализом текстов, в которых нравственный смысл истории реконструируется более или менее внятно. Все богатство мировой культуры в книгах Мордовцева использовано не просто для создания системы аллюзий, а для придания истории смысла. Протопоп Аввакум и боярыня Морозова – не фанатики, а носители «особой правды», люди, взыскующие идеала. Как пишет А.В. Устинов, «Главной сюжетобразующей особенностью произведений Мордовцева о расколе является раскрытие этих внутренних качеств непосредственно в столкновении с дискриминирующим духовное и религиозное инакомыслие государственно-административным аппаратом» (С. 17). Подобное видение оказалось убедительным для современников, в частности для В.И. Сурикова, автора картины «Боярыня Морозова». Не стану с этим спорить и я.

Однако по прочтении работы у меня осталось несколько вопросов, которые я хотел бы адресовать автору. Некоторые, наверное, слишком частные, чтобы уделять им много внимания. Например, на с. 100 речь заходит о «первом полноценном произведении Мордовцева – рассказе «Кто-то вернется?», посвященном событиям войны 1812 года». Говорится, что новелла «известна по пересказу Полферова». Но рассказ включен в 50-томное собрание сочинений, выпущенное Сойкиным, и даже в роман «1812-й год». Так что статус его остается дискуссионным... Сомнительными кажутся некоторые дефиниции: скажем, в жанровом отношении между романом «Профессор Ратмиров» и «Знаменьями времени» разница невелика, однако в диссертации один назван «биографическим», другой «социальным» (С. 97)

Но основные вопросы связаны все-таки не с этими нюансами.

А.В. Устинов завершает обсуждение творческой биографии Д.Л. Мордовцева разговором о теме раскола. Да, первые четыре исторических романа стали определяющими для художественной системы писателя. Но как же быть с другими произведениями о страдающих идеалистах? С «рассказом» «Фанатик» или повестью «Сидение раскольников в Соловках» («Соловецкое сидение»)? Варьируются ли в них уже заданные константы или вносится нечто новое сравнительно с системой образов и аллюзий, представленной в «Великом расколе»? Станным кажется и умолчание о повести «За чьи грехи?», с 1980-х годов рассматриваемой в связи с «Великим расколом». Да, эпизод встречи Степана Разина с Аввакумом выглядит в повести как вставная новелла, но зачем-то эта новелла автору понадобилась?!

Вообще автор диссертации чрезмерно увлекается историцистской методологией. Я имею в виду обращение к причинам, а не следствиям, приоритет «предшествующего» над «последующим». Мы узнаем из диссертации все (или почти все) об обстоятельствах появления «Великого раскола», о предшествующих ему текстах, об изучении раскола и о

традиции описания раскольников в русской литературе. Но почти ничего не узнаем о том влиянии, какое оказал роман Мордовцева на дальнейшую эволюцию образов – не только Аввакума и Морозовой, но и в целом «страдающих идеалистов». К примеру, явно вторичен по отношению к «Великому расколу» очень популярный в свое время роман М.А. Филиппова «Царь и патриарх». В этом объемном историческом полотне представлен все тот же набор сюжетных схем, но кое-какие вариации автор предложил, и вариации эти небезынтересны. Нет, вряд ли возможно в одной работе охватить все тексты девятнадцатого столетия, посвященные теме раскола, но в данном исследовании, где прослежены истоки формирования темы, хотелось бы увидеть и перспективы продолжения, пусть в сопоставлении с отдельными текстами, продолжающими (или опровергающими) Мордовцева – такими, как романы Филиппова, Северцева-Полилова и других.

Думается, автор диссертации недооценил роль Н.А. Полевого в создании той системы моральных констант истории, которую реализовывал в своих книгах Мордовцев. А.В. Устинов немало страниц посвятил «Истории русского народа» Полевого, справедливо видя в ней основу изображения народных движений. А к романам «Клятва при гробе Господнем» и особенно «Иоанн Цимисхий» тоже следовало бы обратиться; страдающий идеалист – тот тип, для истолкования которого на историческом материале Полевой сделал очень много.

Впрочем, описание творческого метода Мордовцева можно строить и так, как предложил А.В. Устинов – с опорой на константные черты. Из приведенных выше сомнения у меня вызвала только «перспективная историчность»; историчность по определению ретроспективна, но издержки терминологии я с готовностью принимаю.

Очевидно, что исследование А. В. Устинова позволило включить «Великий раскол» Д.Л. Мордовцева в литературный контекст второй половины девятнадцатого столетия; в диссертации убедительно

представлены и общие, и частные «особенности художественного мира» (С. 16) одного из популярнейших русских беллетристов. *Значимость диссертации* - в выработке принципов контекстного анализа беллетристического текста, в создании общей схемы осмысления «типологического» и «символического» в исторической прозе, в описании малоизученных и малоизвестных страниц истории русской литературы и в соотнесении художественных и документальных текстов в общей системе.

Высказанные вопросы к автору работы не носят принципиального характера, Диссертация А.В. Устинова отвечает критериям, указанным в пп. 9-11 и 13,14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24.09.2013 № 842. Автореферат и опубликованные работы отвечают содержанию диссертации, которая является актуальным и значимым научным исследованием, а ее автор, А.В. Устинов, заслуживает присуждения ему степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01-русская литература.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы
Тверского государственного университета

А. Ю. Сорочан

Подпись Сорочана А.Ю.
удостоверяю:
Начальник управления
аспирантуры и докторатуры
Устинова А.

